

Научная статья

УДК 94:159.953 + 316.346.36 + 17.035.3 + 172

doi 10.15826/tetm.2021.2.013

К проблеме оценивания в сфере культурно-исторической памяти

Дарья Анатольевна Бутейко^{1,2}

¹Томский государственный университет, Томск, Россия

²Берлинский университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия

buteikod@cms.hu-berlin.de

Аннотация. В данной статье будет рассмотрена практика оценивания в поле исторической памяти и ответственности. Будет показано, как происходит и кем производится оценивание, в каком контексте оно осуществляется.

Анализируя практику оценивания, мы попытаемся выявить различные категории, на которых базируется оценка в дискурсах исторической памяти и ответственности. Будет показана связь между концептуализацией оценивания и механизмами производства знания, а также с акторами, определяющими поле исторической ответственности, и их опытом.

Ключевые слова: оценивание, историческая память, исследование качества, граничные объекты, историческая ответственность

Для цитирования: Бутейко Д. А. К проблеме оценивания в сфере культурно-исторической памяти // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2, № 2. С. 65–72. <https://doi.org/10.15826/tetm.2021.2.014>.

Благодарности: подготовлено при поддержке гранта РФФИ 19-18-00421 «Проблема исторической ответственности: этико-нормативные основания, дискурсивные практики и медиарепрезентации».

Original article

To the Problem of Evaluation in the Field of Cultural-Historical Memory

Dar'ya A. Buteiko^{1,2}

¹Tomsk State University, Tomsk, Russia

²Humboldt University of Berlin, Berlin, Germany

buteikod@cms.hu-berlin.de

Abstract. This article will examine the practice of evaluation in the field of historical memory and responsibility. It will be shown how and by whom evaluation is done, and in what context it takes place.

Analyzing the practice of evaluation, we will try to identify the various categories evaluation in the discourses of historical memory and responsibility is based on. We will show the connection between conceptualization

of evaluation and mechanisms of knowledge production, as well as with the actors determining the field of historical responsibility and their experience.

Keywords: evaluation, historical memory, quality research, boundary objects, historical responsibility

For citation: Buteiko, D. A. (2021). K probleme otsenivaniya v sfere kul'turno-istoricheskoi pamyati [To the Problem of Evaluation in the Field of Cultural-Historical Memory]. *Tempus et Memoria*, 2, 2, 65–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.15826/tetm.2021.2.014>.

Acknowledgments: prepared with support from Russian Science Foundation Grant 19-18-00421, «The Problem of Historical Responsibility: Ethical and Normative Foundations, Discursive Practices, and Media Representations».

Оценивание в контексте исторической памяти

Исследуя историческую память в России, мы часто сталкивались с взаимоисключающими оценками мер, предпринимаемых для увековечивания памяти жертв и выражения исторической ответственности. Возможно ли установить «правильные» критерии оценивания, могут ли сойтись на одних критериях различные акторы поля исторической памяти? Действительно ли нужны критерии оценки в этой сфере или попытка разложить память и ответственность на категории, разделить на измеряемые единицы и дать им оценку неосуществима?

В практике оценивания фактически неизбежен конфликт в силу двух обстоятельств:

1) невозможность конвертировать проживаемую и наблюдаемую реальность в «объективные» цифры. Так, оценивая работу музеев и мемориальных мест памяти о репрессиях, мы можем объективно зафиксировать количество посетителей или время, которое посетители потратили на осмотр экспозиции, гораздо сложнее нам будет передать их уникальный опыт. Те области, для описания и анализа которых мы будем использовать не только количественные, но и качественные методы, неизбежно будут интерпретированы по-разному, в зависимости от позиции и опыта автора исследования;

2) не только границы категорий, на основании которых проводится оценка, при ближайшем рассмотрении оказываются размытыми, но и сами категории формируются по-разному, в зависимости от того, в каком дискурсе они находятся. Опираясь на идеи Мишеля Фуко и метод дискурс-анализа [Foucault], мы понимаем историческую память как социально сконструированный феномен; структура,

система ценностей и знаний исторической памяти имеет свою специфику в разных дискурсах.

Полярно отличные оценки имплементации мер исторической ответственности в разных дискурсах мы видим на примере рецензий к выставке «Россия – моя история», созданной Патриаршим советом по культуре при поддержке Правительства РФ. Выставка под кураторством Тихона Шевкунова объединяет экспозиции «Романовы» (2013), «Рюриковичи» (2014), «1917–1945. От великих потрясений к Великой Победе» (2015) и «От Победы в Великой Отечественной войне до 2016 года» (2016). Первая экспозиция серии о 400-летию династии Романовых в московском Манеже, по словам ее куратора, ставила своей целью воспитание у посетителей чувства благодарности к династии, «за время правления которой территория страны значительно расширилась, а население выросло в 60 раз» [Объективный взгляд...]. Крупные российские медиа освещали «Романовых» как пример успешной современной исторической экспозиции [Раскина]. В своей оценке авторы опирались на такие показатели, как центральная локация, количество посетителей, среди которых были также высокопоставленные гости, общественно значимая дидактическая задача и наличие мультимедиальной составляющей.

Дальнейшим критерием успешности выставки мы можем считать ее трансформацию в полномасштабную сеть экспозиций, охватывающую различные исторические периоды. Однако в научной и активистской среде преобладала критическая оценка как первой, так и последующих экспозиций серии «Россия – моя история». Эксперты отмечали политическую окрашенность выставочного концепта, влияющую на объективность представленной

информации [Беляева; Выставку под патронажем...]. Подвергались критике невниманию авторов к историческому контексту, фактические ошибки, а также отсутствие ссылок на источники, в результате чего знания представлялись посетителям в уже «готовом» виде [Красильникова, Вальдман]. В активистской и научной среде принцип верифицируемости и принцип независимости науки определили значение выставки более, чем такие показатели, как количество посетителей, резонанс в прессе или ее предполагаемая дидактическая польза.

Становлению общих критериев оценивания препятствует различное в каждом дискурсе понимание цели и функции исторической памяти, а также нормативности практик исторической ответственности. Сама практика оценивания или контроля эффективности также имеет свое специфическое значение в зависимости от контекста — частной или институциональной памяти. Так, если в контексте частной памяти в практике оценивания нет необходимости, в институциональном контексте необходимость оценивания имплементации исторической памяти проистекает из необходимости контроля над средствами бюджета, выделяемыми на проработку прошлого и увековечивание памяти жертв, а также из контроля над выполнением обязательств политических акторов.

Институциональная составляющая становится все более значимой в социальной памяти, а значит, вместе с расширением институционального контекста растет необходимость в контроле эффективности мер, предпринимаемых в рамках исторической политики институтов памяти.

Оценивание: история исследования

Оценивание все большее значение приобретает в таких сферах, как образование и здравоохранение, управление наукой и культурой. Контроль эффективности напрямую связан с процессами унификации и модуляризации [Stuckenschmidt, Parent, Spaccapetra; Saunders] в этих областях. В результате разделения комплексных феноменов и процессов на модули

возникают базовые единицы, которые представляется возможным измерить и оценить.

Начиная с 1960-х гг. появляются первые работы, посвященные исследованию качества [Marjanovic, Hanney, Wooding]. Многие ранние исследования, по оценке 1960-х и 1970-х гг., имеют две общие черты: основной интерес к сравнительному вкладу фундаментальных и прикладных исследований в инновации, а также методология, основанная на изучении конкретных случаев. В 1980-х гг. в социологии, антропологии, культурологии, управлении здравоохранением и образованием выходит значительное количество монографий и статей, посвященных практике оценивания¹. Их основными темами являются влияние контроля эффективности на предмет оценки, поле, в котором производится оценивание, а также взаимодействие социальной и экономической составляющей в здравоохранении, образовании и культуре: влияние рыночных отношений на дискурс, который традиционно считался определяемым социальными взаимодействиями акторов.

Следующий вектор, который мы выделим в исследованиях оценивания, — изучение модификации или «перевода» комплексных феноменов в измеряемые категории². Социолог Лидия Мария Уарт в своей работе «Пациенты, клиенты, заказчики?» [Ouart] иллюстрирует, как во все более институализированном поле ухода за пожилыми людьми забота не может более пониматься исключительно как проявление эмпатии, долга и помощи, а является также бюрократизированной практикой, распписанной по ролям и разложенной на модули, каждый из которых имеет свою рыночную цену. Такая модуляризация помогает пациентам, сотрудникам компаний, предоставляющих услуги ухода, а также страховым компаниям

¹ Об исследованиях качества в области образования см.: [Ling; Engeström, Sannino; Garaway]; об исследованиях в области здравоохранения: [Martin, Sturmberg; Gorli, Nicolini, Scaratti; Springett].

² Исследователи в рамках АСТ часто обращаются к переводу как аналитической модели, которая представляет возможным выявить, каким образом интересы, цели или желания акторов представлены, упрощены и преобразованы в производстве и мобилизации артефактов и знаний. В целом процесс перевода имеет тенденцию к объединению, объединению и упрощению структур. Процесс перевода превращает слабые, временные формы идентичности в прочные и кажущиеся необратимыми связи [Callon].

договариваться об оптимальном для всех заинтересованных сторон пакете услуг по уходу. При этом Уарт подчеркивает, что «изначальное» понимание заботы как эмпатии или социальных отношений правомерно в той же степени, что и интерпретация заботы как рыночных отношений.

В области исторической ответственности исследования оценивания были связаны прежде всего с попыткой понять, как качество памяти (формы, практики, нарративы) влияет на проработку травм [Bieniok, Reich, Hesse]. В исследованиях социальной памяти также присутствуют попытки выявить взаимосвязь экономического интереса акторов и конкретных мер по проработке трудного прошлого. Так, социолог Кристиан Харц указывает на обусловленность инициативы ФРГ по проработке национал-социализма, особенно выплат жертвам режима, желанием крупных корпораций обелить репутацию Германии с целью продвижения немецких товаров на мировой рынок. Харц проводит анализ эффективности мер имплементации исторической ответственности, при этом критерием оценки является улучшение международного имиджа Германии и увеличение продаж немецких товаров [Hartz].

В российском поле исторической памяти и ответственности основательных попыток теоретически и методологически осмыслить практику оценивания еще не предпринималось, однако, ввиду расширяющейся институализации социальной памяти, данная тема актуальна и нуждается в подробном исследовании.

Модули исторической ответственности

В последующей части мы рассмотрим конкретные практики, которые определяют оценивание в поле исторической памяти и ответственности. Их анализ поможет нам понять, как функционирует практика оценивания.

Моделирование. Практика моделирования непосредственно связана с областью бюджета и финансов. В контексте составления отчета по гранту или освоению бюджетных средств, в котором контроль эффективности проделанной работы является обязательным требованием, оценивается не абстрактный

феномен исторической ответственности и памяти, а заранее определенные конкретные меры и действия. Другими словами, оценивается то, что было запланировано.

Моделирование исторической ответственности является результатом работы экспертов и итогом политических переговоров. Примером моделирования исторической ответственности служит комплекс мер по проработке наследия советской оккупационной зоны и ГДР, разработанного двумя парламентскими комиссиями в Германии, — «Проработка истории и последствий диктатуры СЕПГ в Германии» (1992–1994) и «Преодоление последствий диктатуры СЕПГ в процессе воссоединения Германии» (1995–1998). Заключение, сделанные первой и второй комиссиями, содержат предложения по мемориализации мест памяти и их финансированию. Иными словами, оформление немецкой исторической памяти о своем коммунистическом прошлом происходило от общей программы к конкретным мерам. Сперва был разработан общий концепт, затем были выработаны конкретные этапы реализации. При оценивании качества и эффективности мер по проработке коммунистического прошлого данные меры не могут быть рассмотрены вне контекста — рекомендаций парламентских комиссий по осмыслению диктатуры СЕПГ и противодействию ее последствиям.

Сертификация. Наряду с интерпретацией, то есть свободным и субъективным толкованием феноменов и данных, в практике оценивания присутствуют упорядочивание, классификация и сертификация: признание определенных феноменов, данных или практик соответствующими установленным стандартам. Данная практика подразумевает возникновение стандартов, признанных акторами, определяющими поле исторической ответственности. При этом то, что не будет «сертифицировано» как легитимная практика ответственности и памяти, будет классифицировано как «странное» и вытеснено на периферию дискурса.

Сертификация возникает в значительной степени под влиянием уже имеющегося опыта, национального или международного. Так, в немецком поле проработки прошлого принято говорить — как в позитивном, так и в негативном ключе — о «немецком метре»

[Henke], сопоставлении проработки опыта осмысления прошлого в других странах с немецким опытом. В результате сопоставления практик и форм памяти локальные практики и формы памяти могут признаваться соответствующими или не соответствующими определенным стандартам.

В локальном поле российской памяти исторически сложившиеся формы и практики памяти воспроизводятся в новых нарративах. Одним из укоренившихся стандартов является обращение к религиозным формам памяти и религиозной символике при создании мемориалов. Часто мемориалом жертв коммунистических репрессий является крест или часовня. И если в Москве около четверти всех мемориалов жертвам репрессий имеют религиозные черты, в Архангельской области таких мемориалов насчитывается около 75 % от общего числа³.

Следующим стандартом, определяющим российское поле памяти, является нарратив о подвиге и жертве во имя родины. Те формы памяти, которые вписываются в рамки этого нарратива, находят поддержку в структурах власти (как соответствующие стандартам). Примером тому служат реакция госчиновников и отзывы в государственных медиа на фильм «28 панфиловцев», посвященный героическому подвигу советских солдат при обороне Москвы. Министр культуры Владимир Мединский высоко оценил игровой фильм режиссеров Андрея Шальопы и Кима Дружинина, вышедший в 2016 г., обосновывая это тем, что повествование о панфиловцах лежит в дидактически правильном ключе: рассказ о подвиге солдат в Великой Отечественной войне способен вдохновить современников на подвиг [Мединский...].

Попытки исследователей или журналистов описать участие СССР во Второй мировой войне вне героического нарратива могут маркироваться как этически неверные и поддаваться осуждению, а также иметь юридические последствия. Примером тому

³ Согласно базе данных Сахаровского центра. Возможно, минимальное соотношение религиозных мемориалов проистекает из осознанной конкуренции религиозной и светской памяти и памятных знаков, в то время как в Архангельской области обращение к религиозной символике не обязательно означает сакральный характер мемориала.

является получивший общественный резонанс опрос о необходимости обороны Ленинграда [«Дождь» оштрафовали...] или закон о публичном унижении чести и достоинства ветеранов в России [Путин подписал закон...].

Фиксирование. Фиксирование практик памяти в законодательных актах, так же как и отношений между акторами, составляет важную часть практики оценивания: оценивать можно только то, что на протяжении определенного периода времени остается неизменным, а правила являются общими для всех вовлеченных акторов. Фиксирование имеет важное значение для поля российской исторической ответственности и памяти: в законодательных актах декларируется историческая ответственность.

Так, хотя разработанная рабочей группой по исторической памяти Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий и была значительно урезана в процессе разработки, включенные в него пункты о необходимости учреждения мемориальных мест и надлежащем увековечивании памяти жертв стали, по словам сотрудников международного мемориала, тем базовым документом, на который они могли ссылаться в процессе переговоров с руководителями региональных администраций, а также тем документом, который легитимировал бы предлагаемые ими инициативы [Бутейко].

Заключение и перспективы

Практика оценивания в значительной мере зависит от контекста, но также сам контекст меняется в процессе оценивания и полученных в результате оценивания знаний [Ivaldi, Scaratti, Nutti]. Райан и ДеСтефано считают совместное оценивание составной частью демократических процессов и видят значение практики оценивания в продвижении инклюзии и диалога [Ryan, DeStefano]. Действительно, совместное оценивание является пространством встречи разных акторов и дискурсов, своеобразным «третьим пространством». Общие для всех акторов в поле исторической памяти критерии эффективности способствуют прозрачности в распределении финансовых

средств и учреждении тендеров и тем самым позволяют актерам получить доступ к ресурсам и минимизировать конфликты в борьбе за них.

Верно и обратное: в силу нечетко сформулированных индикаторов эффективности, субъективного интерпретирования данных и в целом различия мировоззренческих позиций акторов оценивание обладает конфликтным потенциалом.

Минимизировать конфликты возможно, если критерии оценки функционируют как *границные объекты* [Star, Griesemer], то есть объекты, которые медируют между социальными группами и ценностями. Сьюзен Стар и Джеймс Грисемер описывают граничные объекты как пластичные, меняющие свое значение в разных социальных группах, способные приспособиться к нуждам и требованиям нескольких сторон, использующих их. В то же время граничные объекты могут сохранить свою целостность и свое значение в разных ситуациях и в понимании их различными актерами. Они обладают достаточно общей структурой, что позволяет им быть узнаваемыми различными актерами или стать единицей перевода. При этом структура граничных объектов усложняется в пользовании одной группой акторов в определенном контексте. В пользовании другой социальной группой индивидуальная структура граничных объектов будет отличной [Ibid.].

Стар и Грисемер подчеркивают значение граничных объектов: их создание является

ключом к развитию и поддержанию связности между пересекающимися социальными мирами [Star, Griesemer, 408]. Переноса концепцию граничных объектов на критерии контроля «качества» социальной памяти и исторической ответственности, мы представляем критерии оценки как связующие между разными дискурсами и практиками памяти. Для одних социальных групп они имели бы символическое значение и были бы более обобщенными, при этом другие социальные группы в критериях оценки видели тщательно проработанную логическую структуру, основанную на эмпирическом опыте.

В рамках данной статьи не представляется возможным ответить на вопрос, каким конкретно должно быть оценивание, что, кем и как должно оцениваться, какие именно критерии должны войти в систему оценки. Поиск подобных критериев должен основываться на практических процессах, заключениях экспертов и диалоге акторов. Однако в завершение данной статьи мы хотим подчеркнуть важность системы оценки, которая менее опирается на закрытые, стандартные категории, а больше исходит из практики, адаптируется под контекст и дифференцируется в зависимости от потребностей всех акторов. Такая система оценки могла бы функционировать в конфликтном поле памяти как граничный объект, а значит, медиировать между различными группами интересов.

Список источников

Беляева А. Просвещение или посвящение? И другие вопросы к проекту «Россия — моя история» // Город 812. 11.12.2017. URL: <https://gorod-812.ru/prosveshhenie-ili-prosvyashhenie-drugie-voprosyi-k-proektu-rossiya-moya-istoriya/> (дата обращения: 25.05.2021).

Бутейко Д. Полевой дневник. Посещение московского офиса «Мемориала» и беседа с сотрудниками в рамках конференции «Уроки 20 века: память о тоталитаризме в музеях, на памятных местах, в архивах и современных СМИ в России и Германии» (2015), организованной Фондом Фридриха Эберта. 05.09.2015.

Выставку под патронажем епископа Тихона предложили изучать школьникам и студентам. Историки называют ее «пропагандистской игрушкой» // Медуза. 11.12.2017. URL: <https://meduza.io/feature/2017/12/11/vystavku-pod-patronazhem-episkopa-tihona-predlozili-izuchat-shkolnikam-i-studentam-istoriki-nazyvayut-ee-propagandistskoy-igrushkoy> (дата обращения: 25.05.2021).

«Дождь» оштрафовали на 200 тыс. руб. за скандальный опрос о сдаче Ленинграда // TASS. 07.08.2014. URL: <https://tass.ru/obschestvo/1367019> (дата обращения: 25.05.2021).

Красильникова Е., Вальдман И. Практики политики памяти: парк-музей «Россия — моя история» в системе институциональных противоречий // Вестн. Том. гос. ун-та. 2019. № 444. С. 72–82. URL: <http://journals.tsu.ru/uploads/import/1860/files/444-072.pdf> (дата обращения: 25.05.2021).

Мединский: сомневающиеся в подвигах панфиловцев будут гореть в аду // BBC. 26.11.2016. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-38117988> (дата обращения: 25.05.2021).

Путин подписал закон об ответственности «за унижение чести ветерана» // DW. 5.04.2021. URL: <https://www.dw.com/ru/zakon-ob-otvetstvennosti-za-unizhenie-chesti-veterana/a-57103545> (дата обращения: 25.05.2021).

Раскина Я. Романовы: Взгляд сквозь века // Русский дом. 2014. № 1. URL: www.russdom.ru/node/7406 (дата обращения: 25.05.2021).

Объективный взгляд на период правления династии Романовых на выставке в столице // Телеканал Культура. 06.11.2013. URL: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/102688/ (дата обращения: 25.05.2021).

Bieniok M., Reich A., Hesse P. U. Kann die Blickrichtung die emotionale Qualität der Erinnerung von belastenden oder traumatischen Ereignissen verändern? // *Empirische Evaluationsmethoden*. B. 23. Workshop 2018. Berlin : Zentrum für empirische Evaluationsmethoden e. V., 2019. P. 57–79.

Callon M. Some elements of a sociology of translation: Domestication of the Scallops and the fishermen of St. Brieuc Bay // *Power, Action and Belief. A New Sociology of Knowledge?* / J. Law (ed.). London : Routledge and Kegan Paul, 1986. P. 196–229.

Engeström Y., Sannino A. Studies of expansive learning: Foundations, findings and future challenges // *Educational Research Review*. 2010. № 5(1). P. 1–24.

Foucault M. *Les Mots Et Les Choses: Une Archéologie Des Sciences Humaines*. Paris: Gallimard, 1966, here 1990.

Garaway G. B. Participatory evaluation // *Studies in Educational Evaluation*. 1995. № 21(1). P. 85–102.

Gorli M., Nicolini D., Scaratti G. Reflexivity in practice: Tools and conditions for developing organizational authorship // *Human Relations*. 2015. № 68(8). P. 1347–1375.

Hartz Ch. Dimensionen der Zwangsarbeit im Nationalsozialismus (неопубликованная диссертация).

Henke K. Bitte kein deutsches Urmeter. Herausforderungen im Umgang mit der kommunistischen Vergangenheit in Ostmitteleuropa // *Der Kommunismus im Museum: Formen der Auseinandersetzung in Deutschland und Ostmitteleuropa* / V. Knigge et al. Köln : Böhlau, 2005. P. 101–105.

Ivaldi S., Scaratti G., Nutti G. The Practice of Evaluation as an evaluation of practices // *Evaluation*. 2015. № 21(4). P. 479–512.

Ling T. Evaluating complex and unfolding interventions in real time // *Ibid*. 2012. № 18(1). P. 79–91.

Marjanovic S., Hanney S., Wooding S. A historical reflection on research evaluation studies, their recurrent themes and challenges. Santa Monica, Calif. : RAND Corporation, 2009.

Martin C., Sturmberg J. (2009). Perturbing ongoing conversations about systems and complexity in health services and systems // *Journal of Evaluation in Clinical Practice*. 2009. № 15(3). P. 549–552.

Uart L. M. Patienten, Kunden, Auftraggeber? Die Rolle älterer Menschen mit Pflegebedürftigkeit gegenüber ambulanten Pflegediensten // Harm-Peer Zimmermann, Andreas Kruse, Thomas Rentsch (ed.). *Kulturen des Alterns, Plädoyer für ein gutes Leben bis ins hohe Alter*. Frankfurt ; New York : Campus, 2016. P. 159–170.

Ryan K. E., DeStefano L. (ed.) *Evaluation as a Democratic Process: Promoting Inclusion, Dialogue and Deliberation*. New Directions for Evaluation. San Francisco, CA, Jossey-Bass, 2000.

Saunders T. The use and usability of evaluation outputs: A social practice approach // *Evaluation*. 2012. № 18(4). P. 421–436.

Springett J. Participatory approaches to evaluation in health promotion // Rootman M., Goodstadt B., Hyndman et al. (ed.). *Evaluation in Health Promotion Principles and Perspectives*. Copenhagen, World Health Organization, 2001. P. 83–105.

Star S., Griesemer J. Institutional Ecology, ‘Translations’ and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkley’s Museum of Vertebrate Zoology, 1907–39 // *Social Studies of Science*. 1989. № 19(3). P. 387–420.

Stuckenschmidt H., Parent C., Spaccapietra S. *Modular Ontologies: Concepts, Theories and Techniques for Knowledge Modularization*. Modular Ontologies. Berlin : Heidelberg, Springer, 2009.

References

Belyayeva, A. (2017). *Prosveshcheniye ili prosvyashcheniye? I drugiye voprosy k proyektu «Rossiya — moy istoriya» [Enlightenment or enlightenment? And other questions for the “Russia — My History” project]. Gorod 812*. 11.12.2017. URL: <https://gorod-812.ru/prosveshcheniye-ili-prosvyashcheniye-drugie-voprosyi-k-proyektu-rossiya-moya-istoriya/> (mode of access: 25.05.2021).

Bieniok, M., Reich, A., Hesse, P. U. (2019). Kann die Blickrichtung die emotionale Qualität der Erinnerung von belastenden oder traumatischen Ereignissen verändern? *Empirische Evaluationsmethoden*. B. 23. Workshop 2018. Berlin: Zentrum für empirische Evaluationsmethoden e. V., 57–79.

Buteiko, D. (2015). Polevoi dnevnik. Poseshenie moskovskogo ofisa «Memoriala» i beseda s sitrudnikasmi v ramkakh konferentsii «Uroki 20 veka: pamyat’ o totalitarizme v muzeyakh, na pamyatnykh, v arkhivakh i sovremennykh SMI v Rossii i Germanii», organizovannoi Fondom Fridrikha Eberta [Field diary. Visit to the Moscow office of Memorial and conversation with the staff as part of the conference “Lessons of the 20th century: Remembering totalitarianism in museums, memorial sites, archives and contemporary media in Russia and Germany”, organised by the Friedrich Ebert Foundation]. 05.09.2015.

“Dozhd” oshtrafovali na 200 tys. rub. za skandal’nyy opros o sdache Leningrada [“Dozhd” fined 200,000 rubles for scandalous survey on Leningrad surrender]. TASS. 07.08.2014. URL: <https://tass.ru/obschestvo/1367019> (mode of access: 25.05.2021).

Callon, M. (1986). Some elements of a sociology of translation: Domestication of the Scallops and the fishermen of St. Brieuc Bay. *Power, Action and Belief. A New Sociology of Knowledge?* / J. Law (ed.). London: Routledge and Kegan Paul, 196–229.

Engeström, Y., Sannino, A. (2010). Studies of expansive learning: Foundations, findings and future challenges. *Educational Research Review*, 5(1), 1–24.

Foucault, M. (1966, here 1990). *Les Mots Et Les Choses: Une Archéologie Des Sciences Humaines*. Paris: Gallimard.

- Garaway, G. B. (1995). Participatory evaluation. *Studies in Educational Evaluation*, 21(1), 85–102.
- Gorli, M., Nicolini, D., Scaratti, G. (2015). Reflexivity in practice: Tools and conditions for developing organizational authorship. *Human Relations*, 68(8), 1347–1375.
- Hartz, Ch. *Dimensionen der Zwangsarbeit im Nationalsozialismus*. Unpublished dissertation.
- Henke, K. (2005). Bitte kein deutsches Urmeter. Herausforderungen im Umgang mit der kommunistischen Vergangenheit in Ostmitteleuropa. *Der Kommunismus im Museum: Formen der Auseinandersetzung in Deutschland und Ostmitteleuropa* / ed. V. Knigge et al. Köln: Böhlau, 101–105.
- Ivaldi, S., Scaratti, G., Nutti G. (2015). The Practice of Evaluation as an evaluation of practices. *Evaluation*, 21(4), 479–512.
- Krasil'nikova, Ye., Val'dman, I. (2019) Praktiki politiki pamyati: park-muzej «Rossiya — moya istoriya» v sisteme institucional'nykh protivorechij [Practising the politics of remembrance: The “Russia — My History” park-museum in a system of institutional contradictions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 444, 72–82. URL: <http://journals.tsu.ru/uploads/import/1860/files/444-072.pdf> (mode of access: 25.05.2021).
- Ling, T. (2012). Evaluating complex and unfolding interventions in real time. *Evaluation*, 18(1), 79–91.
- Marjanovic, S., Hanney, S., Wooding, S. (2009). *A historical reflection on research evaluation studies, their recurrent themes and challenges*. Santa Monica, Calif: RAND Corporation.
- Martin, C., Sturmberg, J. (2009). Perturbing ongoing conversations about systems and complexity in health services and systems. *Journal of Evaluation in Clinical Practice*, 15(3), 549–552.
- Medinskiy: somnevayushchiyesya v podvigakh panfilovtsev budut goret' v adu [Medinsky: Those who doubt the exploits of the Panfilov heroes will burn in hell]. *BBC*. 26.11.2016. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-38117988> (mode of access: 25.05.2021).
- Ouart, L. M. (2016). Patienten, Kunden, Auftraggeber? Die Rolle älterer Menschen mit Pflegebedürftigkeit gegenüber ambulanten Pflegediensten. *Kulturen des Alterns, Plädoyer für ein gutes Leben bis ins hohe Alter* / H.-P. Zimmermann, A. Kruse, Th. Rentsch (ed.). Frankfurt; New York: Campus, 159–170.
- Putin podpisal zakon ob otvetstvennosti “za unizheniye chesti veterana” [Putin signs law on accountability “for degrading a veteran’s honour”]. *DW*. 05.04.2021. URL: <https://www.dw.com/ru/zakon-ob-otvetstvennosti-za-unizhenie-chesti-veterana/a-57103545> (mode of access: 25.05.2021).
- Raskina, Y. A. (2014). Romanovy. Vzglyad skvoz' veka [The Romanovs. A glimpse through the ages]. *Russkiy dom*. URL: www.russdom.ru/node/7406 (mode of access: 25.05.2021).
- Ryan, K. E., DeStefano, L. (ed.) (2000). *Evaluation as a Democratic Process: Promoting Inclusion, Dialogue and Deliberation. New Directions for Evaluation*. San Francisco, CA, Jossey-Bass.
- Saunders, T. (2012). The use and usability of evaluation outputs: A social practice approach. *Evaluation*, 18(4), 421–436.
- Springett, J. (2001). Participatory approaches to evaluation in health promotion. In Rootman M., Goodstadt B., Hyndman et al. (ed.). *Evaluation in Health Promotion Principles and Perspectives*. Copenhagen, World Health Organization, 83–105.
- Star, S., Griesemer, J. (1989). Institutional Ecology, ‘Translations’ and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkley’s Museum of Vertebrate Zoology, 1907–1939. *Social Studies of Science*, 19 (3), 387–420.
- Stuckenschmidt, H., Parent, C., Spaccapietra, S. (2009). *Modular Ontologies: Concepts, Theories and Techniques for Knowledge Modularization. Modular Ontologies*. Berlin Heidelberg, Springer.
- Telekanal Kul'tura. Ob'ektivnyj vzgljad na period pravlenija dinasti Romanovykh na vystavke v stolice [An objective look at the Romanov dynasty at an exhibition in the capital]. *Telekanal Kultura*. URL: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/102688/ (mode of access: 25.05.2021).
- Vystavku pod patronazhem yepiskopa Tikhona predlozhili izuchat' shkol'nikam i studentam. Istoriki nazyvayut yeye “propagandistskoy igrushkoy” [The exhibition, under the patronage of Bishop Tikhon, was proposed to be studied by schoolchildren and students. Historians call it a “propaganda toy”]. *Meduza*. 11.12.2017. URL: <https://meduza.io/feature/2017/12/11/vystavku-pod-patronazhem-episkopa-tikhona-predlozhili-izuchat-shkolnikam-i-studentam-istoriki-nazyvayut-ee-propagandistskoy-igrushkoy> (mode of access: 25.05.2021).

Сведения об авторе

Бутейко Дарья Анатольевна — научный сотрудник Томского государственного университета, г. Томск, Российская Федерация; научный сотрудник Берлинского университета им. Гумбольдта, г. Берлин, Германия

Information about the author

Daria A. Buteiko — Doct. Sci. (Philosophy), Research Associate Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation; Research Associate Humboldt University of Berlin, Berlin, Germany

Статья поступила в редакцию 15.07.2021;
одобрена после рецензирования 31.08.2021;
принята к публикации 15.09.2021

The article was submitted 15.07.2021;
approved after reviewing 31.08.2021;
accepted for publication 15.09.2021